

УДК 821.161.1 Русская литература

Шлома Е. С.

Московский государственный областной университет

ТЕМА МАТЕРИНСТВА И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЧЕРНОВЫХ РУКОПИСЯХ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНОГО АРХИВА ПИСАТЕЛЯ В БИБЛИОТЕКЕ-МУЗЕЕ С. ОВСЯНКА)

E. Shloma

Moscow State Regional University

THEME OF MOTHERHOOD AND FEMALE CHARACTERS IN VICTOR ASTAFYEV'S MANUSCRIPTS (BASED ON THE WRITER'S PERSONAL ARCHIVE AT THE LIBRARY-MUSEUM OF OVSYANKA)

Аннотация. Статья посвящена исследованию материалов из архивного фонда Виктора Астафьева в Библиотеке-музее его родного села Овсянка. Заглядывая в «творческую лабораторию» художника, автор статьи рассматривает различные этапы его работы над рассказами 1990-х годов и анализирует комплекс исправлений и дополнений, связанных с темой материнства. Затронув мировоззренческие и биографические истоки интереса Астафьева к образу матери, Е.С. Шлома концентрирует свое внимание на том, какие правки вносит прозаик в портреты своих героинь, их речь и связанные с женскими образами эпизоды. В статье отмечены и проинтерпретированы как объёмные вставки, значительно расширяющие текст произведения, так и «точечные» исправления, касающиеся отдельных слов и выражений.

Ключевые слова: русская литература, Виктор Астафьев, архивные фонды, черновые рукописи, тема материнства, женские образы

Abstract. The article deals with materials from the archival collection of Victor Astafyev kept at the Library-museum in his native village Ovsyanka. Looking at writer's "creative laboratory" the author examines various stages of his work on the stories written in the 1990s and examines the complex of corrections and additions related to the theme of motherhood. Referring to the philosophical and biographical reasons for Astafyev's interest to the image of mother, E. Shloma focuses on particular changes that writer makes in portraits of his characters and their speech. The article interprets both massive inserts, that greatly extend texts and the "pointed" editings of certain words and expressions.

Keywords: Russian literature, Victor Astafyev, archives, manuscripts, theme of the motherhood, female characters.

Тема материнства занимает особое место в творчестве Виктора Астафьева. Образ матери предстает на страницах его произведений в различных ипостасях: женщины – хранительницы очага, «сырой земли», кормилицы-тайги, великой реки, родины-России. Мотивы возмездия, настигающего героев за надругательство над женщиной и природой [12, с. 26], самопожертвования, которое совершает мать ради ребёнка, и другие, связанные с этой темой, являются сквозными в рассказах, повестях и романах прозаика.

Одна из причин такого трепетного отношения к различным проявлениям материнского начала в окружающем мире кроется в драматических изломах судьбы писателя. Раннее сиротство наложило сильный отпечаток на его жизнь и творчество. С течением времени образ матери, погибшей, когда мальчику было всего семь лет, высветлился в памяти автора, пре-

вратился в символ любви и заботы о близких, невинной жертвы жестокого мира. Материнство стало аксиологической доминантой его творчества. Женским образам и образам природы, воплощающим в себе стихию продолжения рода и вечного обновления жизни, Астафьев традиционно уделяет большое внимание. О том, с какой тщательностью он работает над их созданием, свидетельствуют его черновики, рассредоточенные по разным городам (Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Красноярск) [13, с. 234].

В библиотеке Овсянки – родного села писателя – собраны черновые варианты произведений, над созданием и продолжением которых автор трудился в последние годы жизни. Особый раздел библиотечного фонда составляют черновики рассказов и очерков: это «Жестокие романсы» (1960-е – 2000), «Венку судят» (2001), «Из тихого света» (1961, 1975, 1982, 1997), «Пролётный гусь» (2001), «Пионер – всем пример» (2001), «Трофейная пушка» (2001), «Связистка» (2001) и «Ягоды для папы» (2001). Сравнение рукописей, соответствующих различным этапам работы над данными произведениями, даёт нам возможность изучить скрупулезную проработку Астафьевым эпизодов, связанных с темой матери, и проследить, как постепенно под его пером материнство приобретало особую значимость.

В рассказе «Жестокие романсы» повествуется о судьбе инвалида, бывшего «пехотного командира» – Кольки Чугунова по прозвищу «дзык». Война искалечила его тело и исковеркала жизнь. Мало кто из окружающих проявляет к нему сочувствие. Единственный человек, который по-матерински заботится о Кольке-дзыке, – женщина по имени Тома, тётя главного героя. Из сопоставления черновиков рассказа «Жестокие романсы» видно, как от варианта к варианту расширяется повествование о ней. Первоначально в черновом автографе о Томе только одно предложение (правда, весьма распространённое, что характерно для астафьевского идиостиля): «Время от времени из какой-то

Нарымский деревни наезжала дородная тётка Тома, сестра отца, и, смазав племянника по затылку, снаряжала его в баню, сама же перетряхивала, перестирывала, выпаривала в бочке тряпье, затхлое лежбище инвалида и на обратном теплоходе укатывала в нарымскую тайгу, сказавши стенающему в барабисе люду, что как помрут старики, так она и заберёт племяша с собой, покуль же в доме повернуться негде, там он уже не забалуется, там он у неё ещё за шишками лазить на кедры будет, во как она за него, за работника возьмётся» [1, с. 34].

В этой же рукописи Астафьев делает объёмную вставку, расширяя текст за счёт описания встречи племянника и тёти на паровой пристани («Горемышный ты наш, горемышный. Живой ишшо. Пьёшь?» [1, с. 32] – обращается женщина к Кольке). Далее следует более подробная сцена уборки «лежбища болезного племянника» (в процитированном выше первом черновике автор называет постель героя «лежбищем инвалида»; как видно, правка сместила точку зрения повествователя и он представляет уже тёткино восприятие колькиного быта). Третья часть вставки отведена сцене «трогательного» прощания.

В том же черновом автографе сразу за первым следует и второе дополнение – вставка внутри вставки. Она проливает свет на быт и отношения тёти Томы и «племяша» (эпизод, в котором они возвращаются с пристани в барак), автор добавляет диалог героев [1, с. 33].

Третье дополнение к рассказу о женщине находится уже в другой рукописи – в тетради с затеями «Просверки» [5, с. 1].

В итоге повествование о сердобольной тётке разрастается до нескольких страниц. На следующем этапе, в машинописном черновике, автор корректирует отдельные фразы: «Тётя Тома <...> со слезами крестила и целовала племяша...» [2, с. 21] (здесь и далее выделение правок курсивом мое. – Е.Ш.). При этом автор вычёркивает из предложения оборот «пускала слезу» – вероятно, потому, что это выражение кажется ему пренебре-

жительным по отношению к великодушной героине. Несколько вновь добавленных слов («со слезами», «целовала») ещё раз акцентируют внимание читателя на её искренней жалости к непутевому племяннику. Таким образом, благодаря поэтапной авторской правке эпизодическая тётка Тома, случайно мелькнувшая в рассказе, становится полноценным персонажем, и сделано это для того, чтобы усилить эпизод и создать характер человека, способного на сочувствие к исковерканной судьбе солдата.

Объёмные вставки – не единственный вид исправлений, которые вносит в свой текст писатель. Нередко в подобной работе он дополняет портретную характеристику женщины лишь одной деталью, лаконичным эпитетом или метафорой. В таком случае яркая, образная подробность обретает семантическую нагрузку, выражая психологическое состояние героини.

В «Пролётном гусе» повествуется о неумолимом угасании семьи Солодовниковых, когда один за другим умирают сначала маленький мальчик Аркаша, затем его отец, возвратившийся с войны солдат Данила, а затем и мать, медсестра Марина. В рассказе есть сцена застолья по поводу возвращения в родной поселок, к хозяйке дома, где живут герои, Виталии Гордеевны, ее единственного сына Владимира Федоровича Мукомолова. Астафьев противопоставляет процветание сытых и самодовольных Мукомоловых, в военные годы отсидевшихся вдали от боевых позиций, постепенному вымиранию солдатской семьи, отстоявшей Родину. В момент встречи честная, работающая мать – Виталия Гордеевна – испытывает стыд за своего надменного отпрыска. Чтобы донести до читателя горе женщины, чей ребёнок предал нравственные ценности, которые она стремилась передать ему вместе с материнским молоком и своей любовью, автор вставляет в исходный текст определение: «сидела с каменным *почерплым* лицом» [6, с. 28] (черновой автограф).

Подобное же исправление Астафьев вносит в трагический финал рассказа «Пролет-

ный гусь», когда Марина, пережившая вместе с мужем ужасы войны, но потерявшая семью в мирное время, готовится добровольно уйти из жизни. Подчёркивая безысходность её страданий, писатель добавляет: «отрешённая уже от всего на свете, *закаменелая*» [7, с. 49] (правка на этапе машинописи).

Рассказ «Связистка» – о чувстве вины Фёдора Скворцова перед девушкой, встреченной на фронте. Их сводит случай: герой видит, как связистка Вика пытается соединить концы оборвавшейся линии, но вместо того, чтобы отдать ей собственный провод, припрятанный на всякий случай под шинелью (Федя – тоже связист), он советует девушке скрутить концы куском проволоки. В этот момент Викторю ранят.

В рассказе говорится и о матери главного героя, образ которой возникает в произведении один раз, на последних страницах. Словно вскользь упоминается, что она приезжает в госпиталь к раненому Фёдору. Но впечатление, что эта фраза «случайная», «проходная», обманчиво: при работе над черновой рукописью Астафьев вносит правку: мать «с чернью металла, *впившегося* в руки» [11, с. 14] (вместо менее выразительного «с чернью металла на руках»). Этим исправлением художник усиливает метафору, оставляя читателю самому домыслить, что довелось пережить и перестрадать матери солдата, и одновременно заставляет его вспомнить об израненной Вике с исцарапанными проволокой руками.

По-астафьевски подлинное предназначение женщины – в семье и материнстве. В рассказе «Пионер – всем пример» воссоздана противоположная «Пролётному гусю» модель судьбы солдата, вернувшегося с фронта. Путь, ведущий главного героя Антона Антоновича к тихому счастью, лежит через труд на земле, творчество (он стал писателем), семью и веру, к которой приходят персонажи в финале. Черновые варианты этого произведения обращают на себя внимание обилием схожих по характеру правок – фольклорных вкраплений: пословиц, поговорок, эпитетов.

Сравнение трёх рукописей «Пионера...»

свидетельствует о постепенных изменениях, вносимых автором в процессе редактуры. В речь как повествователя, так и героев врывается народная стихия: «Вот уж воистину по русской поговорке: “Живём не в гору, а под гору”, — вздохнул Антон Антонович [9, с. 28]; «Что у Даля записано? “Без мужа как без шапки, без жены дом не крыт”» [9, 29]; «“Веку мало, да гора много”, — вспомнил пословицу из того же Даля Антон Антонович со вздохом» [9, с. 32]; «“Не хвались замужеством третьего дня, а хвались третьего года”, — гласит людская мудрость. Иеще: “Прожитое — что пролитое”» [9, с. 33]; «...как опять же достопочтенный Никодимка глаголил: “Живёт вёртко, помрет терпко”» [9, с. 37]. В рассказе есть эпизод, когда Антон Антонович возвращается домой и видит на крыльце ждущую его Леру. В первом автографе мы читаем: «тёсовое крыльцо под фонарем и на нем женщина» [8, с. 33]. В машинописном черновике в описании этой картины автор меняет нейтральное «женщина» на фольклорное, образное «красна девица с ржаной косою по груди» [9, с. 38]. Важно, что элементами народного творчества в большей степени насыщается вторая часть рассказа, где речь идет о семейной жизни героев. В описании военных лет Антона Антоновича и его лагерного срока, равно как и в повествовании об одинокой и бездетной жизни Леры, фольклорные выражения не используются. Астафьев уверен: именно с семьи начинается настоящая жизнь, имеющая корни и опирающаяся на многовековую национальную традицию. Эта мысль подкреплена на лексическом уровне избирательным включением в текст мудрых и поэтичных оборотов устной словесности.

Астафьевская героиня с материнской любовью относится не только к ребёнку, но и к мужу. В черновиках отражено стремление автора подчеркнуть нежность и заботливость женщины. Например, во время работы над текстом рассказа «Пролётный гусь» в речь Марины, адресованную Даниле, писатель несколько раз вставляет ласковое, с материнской заботой произносимое обращение:

«Чудушко моё!», рефреном проходящее через всё произведение (вставки к сцене их первой ночи [7, с. 10], сцене застолья в честь Мукомоловых [7, с. 31], сцене свидания в больнице [7, с. 43]).

Отношение людей к святыням материнства и детства становится для писателя показателем нравственного здоровья времени, в котором они живут. Нередко через образы страдающих матери и ребёнка он показывает тяжесть испытаний, выпавших в XX веке на долю русского народа. Авторские исправления в черновых рукописях демонстрируют, как Астафьев стремится усилить звучание социальных проблем. Среди тревожащих его явлений – неуважение к женщине, утрата современными девушками способности к материнству, проявления жестокости к детям.

Тягостным размышлениям над состоянием российского общества посвящены несколько поздних вставок, дополняющих первоначальный, 1960–70-х годов, вариант рассказа «Из тихого света. Попытка исповеди» (писатель трудился над этим эссе на протяжении нескольких десятилетий). С самого начала автор настраивает читателей на минорный лад, включая в текст воспоминание о погибшей матери: «Мне было тогда десять лет. Четыре года назад погибла моя мама» [4, с. 2].

Работая над машинописным черновиком, Астафьев расширяет «Попытку исповеди» за счёт вставных невымышленных сюжетов, почерпнутых из газет и разговоров. Стиль их изложения подчёркнуто публицистический. Так, прозаик не смог обойти вниманием случай, произошедший неподалеку от Вологды, где он жил долгое время: «...в городе Череповце молодая женщина выбросилась из окна, с девятого этажа – ну выбросилась и выбросилась, этим нас уже не удивить, но беда и потрясение в том, что перед тем, как выброситься самой, женщина в это же окно выкинула своих детей, двух мальчиков – двух и четырех лет от роду» [3, с. 8]. Автор ошеломлен произошедшим. Он осмысливает случившееся и стремится найти причины трагедии в бытовой неприкаянности, что от-

ражено во вставке, характеризующей поступок матери: «не умея устроить себя в жизни, не приученная спасать и спасаться» [3, с. 8]. Однако не только в быту видит писатель истоки случившегося. Они гораздо глубже – в самом устройстве общества, несправедливом и жестоком. Безжалостный приговор, который выносит Астафьев современности, выражается в парадоксальном исправлении: «Только глубоко страдающая мать могла так поступить» он заменяет на «Только *отчаянно любящая* мать...» [3, с. 8] и тем самым подводит читателя к страшному выводу: убийство было совершено женщиной из любви, а жизнь настолько ужасна, что смерть кажется избавлением, лучшей долей, которую она могла пожелать своим детям.

Две последующие вставки развивают тему сиротства, причём сиротства неофициального, «при живых родителях»: в них писатель с болью говорит о «преданных и пропитых» детях [3, с. 10]. Сюжеты историй, включённых в «Попытку исповеди», разворачиваются по схожей схеме: родители-пьяницы уходят из дома, а оставленные ими дети медленно, мучительно умирают от голода и холода. Автор намеренно делает эти вставные фрагменты похожими друг на друга, обнажая пугающую современную тенденцию.

Помимо исправлений, о трагическом восприятии современности и о чуткости писателя к материнскому горю говорит газетная вырезка, приложенная к черновику «Попытки исповеди» [4, с. 19]. Это небольшая заметка-письмо «Пощадите мою старость» из газеты «Красноярский рабочий» от 15 января 1989. В ней читательница О. Богданович уже не с укором, а со слёзной мольбой обращается к неизвестному, который каждый раз под новый год срубает елку на могиле её сына. Сам став жертвой разорителей, ищущих наживы даже у мёртвых (в конце 1990-х годов вандалы разобрали и унесли оградку с могилы дочери писателя), автор не мог не услышать крик матери, умоляющей пощадить её чувства. Печальный сюжет письма в редакцию «Красноярского рабочего» вполне мог

бы стать для Астафьева ещё одним в череде горестных картин «Из тихого света».

Правки, внесённые прозаиком в черновые варианты произведений 1990 – 2000-х годов, свидетельствуют о том, что в его творчестве усиливается публицистическое начало, сгущаются пессимистические мотивы. Вместе с тем, обращение к анализу архивных материалов даёт уникальную возможность заглянуть в творческую лабораторию писателя, проследить процесс рождения литературного текста и попытаться понять, как поэтапно совершенствуется под его пером художественная выразительность женских образов. Астафьев работает и над внешними характеристиками своих персонажей, и над их речью, расширяет отдельные эпизоды, добавляя в произведения новые «минисюжеты», вставные рассказы. Все дополнения, внесённые писателем на разных этапах работы над рукописями, объединены трепетным вниманием к материнству, а также гневом и болью при виде страданий женщин, дарящих жизнь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, фонд 2, опись 1, дело 7, Жестокие романы. Рассказ. Черновой автограф. 36 л.
2. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 8, Жестокие романы. Рассказ. Машинопись с авторской правкой. 25 л.
3. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 13, Из тихого света. Рассказ. Машинопись с авторской правкой. 19 л.
4. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 14, Из тихого света. Рассказ. Машинопись с авторской правкой. 22 л.
5. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 38, Просверки. Затеси. Черновой автограф. 17 л.
6. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 44, Пролётный гусь. Рассказ. Черновой автограф. 48 л.
7. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 45, Пролётный гусь. Рассказ. Машинопись с авторской правкой. 51 л.
8. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 47, Пионер – всем пример. Рассказ. Черновой автограф. 36 л.
9. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 48, Пионер – всем пример. Рассказ. Машинопись с авторской правкой. 42 л.

10. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В.П. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 49, Пионер – всем пример. Рассказ. Машинопись с авторской правкой. 43 л.
11. Библиотека-музей В.П. Астафьева, Личный фонд В. Астафьева, ф. 2, оп. 1, д. 56, Связистка. Рассказ. Машинопись с авторской правкой. 18 л.
12. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990 гг. – М.: Высш. школа, 2003. – 386 с.
13. Прядко И.А. Архивы В.П. Астафьева: их судьбы и значение для изучения творчества писателя // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца 20 века. – Красноярск, 2005. – С. 234-239.